

ПОГРАНИЧНОСТЬ КАК ОСНОВНОЙ ПРИЗНАК СИБИРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Левина Ж.Е.

ФГБОУ ВПО «Омский государственный педагогический университет» Минобрнауки России, Омск, Россия (644099, г. Омск, наб. им. Тухачевского, 14), levina1@yandex.ru

В работе дан анализ особенностей формирования культуры Сибири, позволяющих сохранять стабильность социокультурной ситуации в полиэтнической и поликонфессиональной среде. Показано, что присоединенная Сибирь, являясь органической частью культуры России, дала собственную субкультуру. Выявлено, что к основной характеристике сибирской культуры можно отнести сочетание высокой степени терпимости представителей различных культур с жизнеспособностью и стабильностью национальных групп. Сложность и многомерность объекта исследования определяет использование комплексного подхода к познанию историко-культурных явлений, позволяющего применять достижения различных исследовательских направлений, имеющих свою сферу изучения. Возможности позитивизма в сочетании с семиотическим подходом позволяют сфокусировать внимание не только на социальных структурах или на человеческом сознании и поведении, но выявляет способ взаимодействия тех и других в развивающейся общественной системе и в изменяющейся культурной среде, которая эту систему оправдывает и поддерживает.

Ключевые слова: история культуры, сибирская культура, полиэтничность, поликонфессиональность, религиозный синкретизм, толерантность, конформизм, семиотика, позитивизм.

MARGINALITY AS THE MAIN FEATURE OF THE SIBERIAN CULTURE

Levina Z.E.

Federal State-Funded Educational Institution of Highest Vocational Education "Omsk State Pedagogical University" of Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Omsk, Russia (644099, Naberezhnaya Tukhachevskogo, 14).

The paper analyzes the peculiarities of formation of Siberia culture that preserve the stability of the socio-cultural situation in the multi-ethnic and multi-religious environment. Was demonstrated that adjoin Siberia, being an integral part of Russian culture, gave its own subculture. Revealed that the main characteristic of the Siberian culture includes the combination of high degree of tolerance of representatives' of different cultures with viability and stability of various national groups. Complexity and multidimensionality of the target of research define the usage of the integrated approach to the knowledge of historical and cultural phenomena, allowing usage of the achievements of various scientific fields, each with its own sphere of study. Capabilities of positivism in conjunction with semiotic approach allow focusing not only on the social structures or the human mind and behavior, but also revealing the way of interaction of both in the developing social system and in the changing cultural environment which justifies this system and supports it.

Keywords: history of culture, Siberia culture, polyethnicity, polyconfessionality, religious syncretism, tolerance, conformism, semiotics, positive philosophy.

Актуальность исследования истории культуры во многом определяется конкретными современными политическими процессами. Объяснение глобальных изменений, прежде всего, культурными трансформациями является вполне традиционным и опирается на теорию исторической типологии культур, обосновывающую историческую динамику развитием культуры (Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби). Целью работы является анализ особенностей формирования культуры Сибири, позволяющих сохранять стабильность и толерантность социокультурной ситуации в полиэтнической и поликонфессиональной среде. Сложность и многомерность объекта исследования определяет использование комплексного подхода к познанию историко-культурных явлений, позволяющего применять достижения различных исследовательских направлений, имеющих свою сферу изучения.

Возможности позитивизма в сочетании с семиотическим подходом позволяют сфокусировать внимание не только на социальных структурах или на человеческом сознании и поведении, но выявляют способ взаимодействия тех и других в развивающейся общественной системе и в изменяющейся культурной среде, которая эту систему оправдывает и поддерживает.

Культура при семиотическом подходе рассматривается как сложное целое семиотическое пространство, состоящее из пластов разной скорости развития, так что любой ее синхронный срез обнаруживает одновременное присутствие различных ее стадий. Понятие границы культуры является важнейшим в семиотическом подходе. Любая культура разделяет мир на внутреннее пространство и внешнее, на «свое» и «чужое». Такое дифференцирование является универсальным. Граница может иметь государственный, социальный, национальный, конфессиональный или какой-нибудь иной характер. Границы семиосферы являются наиболее «горячими» точками семиобразовательных процессов. Усиление интенсивности семиотических процессов в пограничной полосе семиосферы связано с тем, что именно здесь происходят постоянные вторжения в нее извне. Одна сторона границы всегда обращена во внешнее пространство. Граница и соединяет, и разделяет. Она принадлежит обеим пограничным культурам. Граница трансформирует «внешнее» во «внутреннее». Значение границы заключается в том, что на границе возникает постоянный обмен, выработка общего языка. Это приводит к тому, что происходит культурное выравнивание и создание некой новой семиосферы более высокого порядка, в которую включаются обе стороны уже как равноправные [5].

Главной характеристикой сибирской культуры является ее пограничность, имеющая одновременно цивилизационный, культурный, государственный, экономический, социальный, национальный, конфессиональный характер.

В мировой и отечественной науке значение Сибири рассматривалось, прежде всего, в контексте культурно-цивилизационных процессов (О.Шпенглер). Роль Сибири в формировании феномена русской культуры обозначена в работах российских авторов (К.Н. Леонтьев, Д.С. Менделеев, Н.М. Ядринцев, Г.Н. Потанин).

В последние десятилетия в работах ряда отечественных исследователей наметилась тенденция более глубокого изучения социокультурных последствий расширения границ Московского государства. Освоение восточных территорий трактуется в качестве практического утверждения евразийского мирозерцания, в результате которого появился принципиально новый тип культуры (Т.Н. Очирова, А.В. Шабага).

Уникальность русской культуры как евразийской, объединяющей восточное и западное начала, во многом определялась присоединенной Сибирью. Особый, «евразийский» тип

сибирской культуры некоторыми сибирскими литераторами представлялся в конкретных образах. Ощущение противоречивого соединения цивилизационных комплексов в рамках одного сибирского города выразил Л. Мартынов, описывая центр Омска первой половины XX в.: «Вот здесь, на этом мосту, я видел однажды, как встретились Азия с Европой – пропыленный на степных дорогах двугорбый верблюд и новенькая сверкающая эмка. Верблюд и автомобиль с интересом оглядели друг друга...» [10].

Присоединенная Сибирь, являясь органической частью культуры России, дала собственную субкультуру, обладающую рядом специфических характеристик, обусловленных особенностями географического положения и исторического развития региона.

Основной предпосылкой ее формирования можно назвать ярко выраженный полиморфизм, явившийся следствием многокомпонентного этнического состава. Доминантой складывающейся культуры стал православно-языческий синкретизм русской духовной жизни. Немаловажную роль сыграли аксиологические, этнические, эстетические особенности западноевропейской христианской традиции. Неотъемлемую часть составил мусульманский компонент самосознания тюркских народов и специфика языческих племен. Регионально-этнические особенности дополнялись противоположностью культурных матриц доклассических (традиционных) и классического (современного, модернистского) обществ, характеризующихся особым наличием психологических складов личности. Многообразие ментальных конфигураций обуславливалось концентрированной социальной разнородностью, различиями в образовании.

В силу названных причин одной из основных особенностей культуры Сибири стал своеобразный конформизм, высокая степень терпимости представителей различных культур, наиболее отчетливо проявившийся в сфере межэтнического взаимодействия на бытовом уровне, вследствие чего менялись обычаи, распространялось двуязычие. Одним из социокультурных оснований мирного сосуществования и взаимодействия разных этносов можно назвать религиозный синкретизм.

Формирование религиозного синкретизма русских и татар в основе имеет архетипические корни, свойственные всем культурам (К. Юнг, Дж. Фрезер). Формирование религиозного мировоззрения этих народов происходило в подобных исторических обстоятельствах. Ислам в Сибирь, как и православная религия в Киевскую Русь, был привнесен извне, не был выстраданным или осознанным шагом.

Проникновение ислама начинается в Сибирь с конца XIV века. Ислам распространяли среди таболо-иртышских татар среднеазиатские проповедники (шейхи). Согласно данным письменных источников, сохранившихся в Средней Азии, в 1394 г. (797 г. по мусульманскому

календарю) шейхи учинили великое сражение за ислам против татар и язычников. Войны за исламизацию в Сибири шли с 1394 по 1395 г. Всего было 366 конных шейхов и 1700 воинов. Все шейхи в Сибири погибли. Эти войны являлись первым этапом и началом длительного процесса исламизации части сибирского населения [4].

Известной особенностью русской культуры, выделявшейся рядом исследователей в качестве ее системообразующей характеристики, является православно-языческий синкретизм. Синтез взаимоисключающих ориентаций отразился на психологических особенностях русской культуры, сформировав амбивалентность русской духовности. Россия – христианский Восток, душа русского народа была сформирована православной церковью, но в ней остался сильный «природно-языческий» элемент, поэтому для русского народа одинаково характерен и природный дионисизм и христианский аскетизм (Н.А. Бердяев). Христианизация Руси породила две культуры – «дневную» и «ночную». Первая была принадлежностью образованного меньшинства, другая жила в глубинных подпочвенных проявлениях народного духа, проявляясь в «двусмысленном», «двоеверном» сознании (Г. Флоровский). Г. Федотов выделил бинарное строение культуры. «Русскость», «коллективная душа» русского народа образуется полярностью двух несводимых типов. Схема русской культуры и русского характера - эллипс с двумя разнозаряженными центрами, между которыми идет постоянная борьба. Это является источником динамичности и взрывоопасности культуры. В разные периоды проявляются такие оппозиции: язычество–христианство, земство–опричнина, церковность–секуляризация, западничество–славянофильство, революция–реакция, демократы–патриоты, традиции–модернизация.

Изучение мусульманско-языческого синкретизма (народного ислама) в настоящее время представляется актуальной научной проблемой, привлекающей внимание все большего числа исследователей. В современных теоретических концепциях проявление народного ислама видят в погребальном обряде, культе мертвых, культе святых, паломничестве к святым местам, свадебной и праздничной обрядности, суеверии, волшебстве. В Сибири исламская вера также существовала параллельно с языческими представлениями. Сложилась ситуация двоеверия, имеющая многочисленные мифологические подтверждения. Широко была распространена вера в духов «хозяев», функции и характер которых очень близки к славянским низшим мифологическим персонажам: хозяин дома, хлева, хозяин и хозяйка двора, хозяин воды. У многих татар существовал культ деревьев (березы или сосны). Сохранялись жертвоприношения. Архетипические образы порождали сходные обрядово-ритуальные действия и бытовое поведение православных и мусульман. Татары пекли блины или что-нибудь жарили, чтобы непременно шел запах масла, жира. Этот запах считался угощением для душ умерших родственников. Близким для славян и татар являлось почитание

огня. У сибирских татар существовал обычай прыгать через костер на свадьбах. Яйцо использовалось в качестве основного жертвенного дара во время различных обрядовых действий [8].

У русских переселенцев, оказавшихся в Сибири, кроме известных, характерных для русского народа в целом, сохранившихся языческих представлений, современники дополнительно отмечали равнодушное и даже негативное отношение к церкви. Видимо, в новых условиях, избавленные от контроля, многие переселенцы отказывались от тех элементов православной веры, которые не являлись нравственной или (тем более) физической необходимостью. «Упадок религиозного чувства» проявлялся в отказе от элементов православной морали в повседневной жизни. Сибирский архиепископ Киприан, описывая нравственное состояние «первых насельников», обращал внимание на то, что крестов не носили, постных дней не хранили, ели мясо «и всякое скверны» вместе с татарами, вогулами, остяками. Русские сибиряки редко ходили в храмы. Не крестились, «о самом крещении не заботились». Некоторые взрослые сибиряки были некрещеными. Крещеные православные не только не ходили на исповеди, но иногда не имели никакого представления об этой важнейшей составляющей веры. Святейший патриарх Филарет, слыша, что в Сибири бесчинства не прекращаются, послал грозную обличительную грамоту, писанную 11 февраля 1622 г., в которой, исчислив все пороки русских сибиряков, делал выговор и замечание самому преосвященному Киприану. «Мы узнали, – писал он в грамоте, – от воевод и от приказных людей, которые прежде бывали в Сибири, что в сибирских городах многие служилые и тамошние люди живут не по-христиански, не по преданиям св. апостолов и св. отцев, а по своим скверным похотям». Особо выделялся «половой разврат». Были случаи женитьбы на двоюродных и родных сестрах. Служилые люди, уезжая на длительный срок, закладывали своих жен. Дефицит женщин приводил к тому, что воеводы и служилые люди «жили с инородками как с женами». Соблазнительную жизнь вели монастыри. До приезда Киприана в Сибирь монахи и монахини жили вместе в одном монастыре. В то же время единственным обстоятельством, заставлявшим многих переселенцев один раз в жизни посетить церковь, была необходимость создания семьи и обряд венчания [2].

Почти все отмеченные нарушения православной морали на бытовом уровне содержат такой элемент, как тесное взаимодействие с «инородцами» или «иноверцами»: «пьют и едят и всякия скаредныя дела делают вместе с бусурманами; живут с татарками некрещеными, как со своими женами». Особенно ярко оно проявлялось в сложных жизненных обстоятельствах. Так, например, после пожара в 1643 г. в Тобольске пострадавшие православные горожане нашли приют в татарских жилищах. Создавшееся положение, видимо, никого не тяготило, потому что одиннадцать лет русские, устроившись таким образом, не предпринимали никаких

шагов по восстановлению своих домов. По мнению же представителей церкви, русские в таких условиях «сквернились». Эта особенность жизни сибиряков не только была известна в центральной части, но и вызывала пристальный интерес и тревогу на самом высшем государственном уровне. В 1654 году, после очередной жалобы архиепископа Симеона на слишком близкие отношения, установившиеся между русскими и татарами, царь Алексей Михайлович приказал тобольским воеводам «разводить русских и татар, чтобы они вместе не пили, не ели и не жили» [2]. Особого влияния на отношения сибиряков подобные меры, очевидно, не имели.

На эти же особенности сибирской культуры обращал внимание П.Н. Милюков: «Поселенцы приходили без женщин и брали себе жен у туземцев. В грамоте патриарха Филарета 1622 г. указано, между прочим, что наряду с "краденными из России девицами", которых воеводы "продают из корысти в замужество", подвижное население "живет с некрещеными женами, кумами и сестрами своих жен, при отъезде закладывает их на срок и, не имея чем выкупить, женится на других"». Результатом смешанных браков П.Н. Милюков считал появление нового антропологического типа сибиряков: «Эти "басурманские" браки, не противоречившие языческим обычаям туземцев, очевидно, послужили началом для возникновения нового антропологического типа сибиряков – или, быть может, продолжением процесса смешения, начавшегося в до-уральской России» [7].

В то же время сближение православных переселенцев и мусульманского населения Сибири имело свои пределы и не привело к ассимиляции какой-либо этнической общности. Процесс этнической интеграции сочетался с высокой степенью жизнеспособности и стабильности этнического воспроизводства национальных групп и народов, что подтверждается сохранением языка, многих черт самобытной культуры и быта до настоящего времени. Религиозная жизнь включала разнообразные мирно сосуществовавшие верования и культы. В центре Омска, например, до XX в. соседствовали лютеранская кирха, католический костел, мусульманская мечеть, синагога, христианские храмы и часовни.

Социальную сферу характеризует парадоксальность (ссылное духовенство, вооруженные каторжники), что не могло не сказаться на духовной жизни в целом.

К числу особенностей культуры Сибири можно отнести и секуляризацию. В источниках зафиксированы случаи грубого отношения к духовенству административных чинов, малочисленность храмов, отказ населения от исполнения или формальное отношение к религиозным обрядам [2]. В то же время государственные структуры во многих случаях организовывали и курировали деятельность как православных общин, так и мусульманских обществ.

Специфические условия существования приводили к утверждению аномии. Нарушались нормы и светской властью (казнокрадство, правовой «беспредел»), и церковной, и частными лицами в повседневной жизни (купля-продажа женщин, двумужество, человеческие жертвоприношения). В то же время существовала лояльность по отношению к центральной и местным властям [3].

Пограничность, как определяющая особенность культуры Сибири, ярко проявляется в формировании городской культуры региона. Д.А. Алисов считает, что сибирские города представляют интересный вариант традиционной оппозиции западного и восточного типа культуры: «Особый интерес в этом отношении представляют азиатские города России, в том числе Западной Сибири. Первоначально они возникли по классической схеме в качестве острогов-крепостей, опорных пунктов колонизации и освоения вновь присоединенных земель. Сибирь и ее население русским первопроходцам представлялась как "дикий край" (Восток), который необходимо "цивилизовать" (т.е. приобщить к России). Подобная схема продвижения на Восток позднее привела к возникновению двух крупных проблем. Первая заключалась в том, что сибирские города (в подавляющем числе) с момента возникновения являлись типично русскими городами, окруженными иноэтничным населением. Поэтому проблема Запад - Восток на протяжении многих десятилетий выражалась и закреплялась в формуле русский город – иноязычные кочевники (или охотники - в зависимости от местоположения). Только по мере колонизации Сибири города формируют адекватное этническое окружение». Характеристика городской культуры понимается также как взаимодействие традиционного и модернистского и городского и сельского культурных типов [1].

Яркую художественную интерпретацию социологических построений дают воспоминания омского писателя Л. Мартынова о жизни родного города в начале XX в.: «Да, конечно, я хорошо помню этих казахов, продававших кумыс на улицах и мясо на базарах, этих всадников в цветных малахаях на лисьем меху, этих наездниц на верблюдах – казашек в зеленых и фиолетовых бархатных шубах и шапочках с перышками птиц. Но наряду с этими детьми природы я помню и торговавших на том же Казачьем базаре одетых в гоголевские свитки украинцев и кутающихся в сибирские тулупы рыжих немцев-колонистов. И помню разговоры о том, что масло лучше всего брать у латышей, а яйца у эстонцев» [6]. Не менее четко автор дает литературную характеристику сосуществования и взаимодействия традиционного и современного типов культуры, выделяя пограничность в качестве основной особенности городской культуры: «Рубеж двух миров! ... Я рос на бревенчато-кирпичной границе старого церковно-банного, кошмянно-юртового, пыльного, ковыльного старого мира и - железнодорожного, парходного, пакгаузно-элеваторного, велосипедно-

аэропланового и телефонно-пишущего-машинного нового мира, отдавая решительное предпочтение последнему» [6].

Наиболее трудной для исследования является проблема ментальных особенностей сибиряков. Одним из факторов формирования психологических типов была маргинализация. Маргинальная личность является продуктом миграции населения и модернизационных процессов, в результате которых человек определенной культуры вынужден осваивать иные культурные ценности, социальные роли, образ жизни. Совмещение элементов разных структур способствует возникновению неустойчивости, напряженности, склонности к психическим расстройствам и срывам, эклектичности в структуре личности, совмещающей традиции и современность, мистику и рационализм, знание и архаические предрассудки, религиозную созерцательность и политический динамизм (В.С. Ерасов). В процессе освоения Сибири взаимодействовали культуры, маргинальность которых сложилась исторически (православно-языческий синкретизм русской культуры и мусульманско-языческий местного населения). Неустойчивость, «взрывоопасность» выделяют исследователи в качестве основной характеристики русской культуры (А. Ахиезер) и «ориентальных» черт национального характера, определенного как «культурный эпилептоид» (К. Касьянова). Вместе с тем этому типу в спокойный период свойственны апатичность и упрямство, основательность, способность эффективно достигать своих целей, невзирая на обстоятельства, весьма прямолинейными способами.

Устойчивым хронотопом русской культуры ряд авторов XIX-XX вв. называет безмерность пространственной ориентации. Обостренное чувство пространства считают специфической чертой «сибирского характера». Кроме того, для переселенцев характерна многоопытность, сноровистость, смелость, пытливость, выносливость. Все эти черты в принципе совпадают с такими особенностями психологического типа модернистской или современной культуры, как открытость ко всему новому, готовность к изменениям, расчетливость, ценность технических умений, оптимизм.

К особенностям сибирской культуры, сформированных в условиях пограничной ситуации, можно отнести: высокую степень терпимости представителей различных культур; жизнеспособность и стабильность национальных групп; мирное сосуществование религий; секуляризацию; аномию; лояльность по отношению к власти; формирование особого психологического типа (сибирский характер).

Список литературы

1. Алисов Д.А. Культура городов Западной Сибири (вторая половина XIX – начало XX вв.). – Омск : ООО «Издатель-Полиграфист», 2002. - С. 15-16.
2. Бущинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. – Харьков : Типография Губернского Правления, 1889. – С. 7, 145, 287, 288.
3. Городков Н.А. Быт первых русских поселенцев в Западной Сибири. – Тобольск : Тип. Тобол. епарх. братства, 1899. – С. 10-11.
4. Ислам: общество и культура. – Омск : Изд-во ОмГУ, 1994. – С. 15-16.
5. Лотман Ю.М. Семиосфера. - СПб. : Искусство—СПБ, 2000. - С. 257, 268.
6. Мартынов Л.И. Воздушные фрегаты. – Омск : Омское книжное издательство, 1985. - С. 16-17.
7. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3-х т. - М. : Прогресс, 1993. - Т. 1. - С. 495.
8. Селезнев А.Г. Символика народного ислама в Сибири // Традиционное сознание: проблемы реконструкции. – Томск : Издательство научно-технической литературы, 2004. - С. 161-163.
9. Юдалевич М. «Вы видите порывистых людей...» // Воспоминания о Л. Мартынове. - М. : Советский писатель, 1989. - С. 23.

Рецензенты:

Федяев Д.М., д.филос.н., профессор кафедры философии ФГБОУ ВПО «Омский государственный педагогический университет» Минобрнауки России, г. Омск.

Худяков В.Н., д.и.н., профессор, зав. кафедрой отечественной истории, декан исторического факультета ФГБОУ ВПО «Омский государственный педагогический университет» Минобрнауки России, г. Омск.